

УДК 82-1

**ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАТРИОТИЗМ А.С. ХОМЯКОВА:
ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ КОНТЕКСТЫ****THE ORTHODOX PATRIOTISM OF A. S. KHOMYAKOV:
PHILOSOPHICAL CULTURAL AND THEOLOGICAL CONTEXTS****Т.И. Липич, С.И. Рубежанский
T.I. Lipich, S.I. Rubezhansky**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: Lipich@bsu.edu.ru

Ключевые слова: славянофилы, западники, патриотизм, русская религиозная философия
Key words: Slavophiles, Westernizers, patriotism, Russian religious philosophy

Аннотация. В данной статье дается авторская интерпретация понимания личности и творчества Алексея Степановича Хомякова. Автор не пытается разрешить «загадку Хомякова», но хочет показать всю нетривиальность его мировоззрения, рассмотреть его философское, социальное и богословское видение мира и человека в нем. В статье анализируется его уникальный православный патриотизм, основанный на самостоятельном, освобожденном от схоластики, видении соборных принципов организации православной церкви и общества в целом.

Resume. The article presents the author's understanding of A. S. Khomyakov's personality and works. The author doesn't intend to puzzle out a mystery of A. S. Khomyakov but he wants to show his unconventional view of the world, to study his philosophical, social and theological standpoint of the world and human position in this world. The author analyzes his orthodox patriotism based on his individual non-scholastic view of collegiate principles of the orthodox church set-up and the society.

Сегодня мы все чаще обращаем свои взоры в прошлое русской культуры, пытаемся там отыскать ответы на вопросы, которые ставит перед нами современный глобализирующийся мир. В каком направлении развиваться России? Каково ее предназначение в истории. Эти же вопросы ставили в XIX веке славянофилы и западники. Они так же пытались найти ответы на эти и другие вопросы. Все чаще привлекает наше внимание личность основателя славянофильства А.С. Хомякова.

Алексей Степанович Хомяков, философ и богослов, говорит, как кажется с первого взгляда, о простых вещах. Но, вчитываясь в его труды, осознаешь сложность представленного в них мировоззрения. О нем написано много работ, которые рассматривают эту уникальную личность с разных сторон. Возможно, именно поэтому обилие литературы и говорит нам о том, что адекватного понимания мировоззрения данной личности достичь, пока не удалось. Священник Павел Флоренский, рецензируя огромный трехтомный труд профессора В.З. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков», отмечает, что «он дает не уразумение Хомякова, а лишь конспект его; это – как бы пересказ Хомякова, но почти без интонации» [Флоренский: Около Хомякова, 278]. Монография Н.А. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков» лучше, но и она, по мнению священника Флоренского, не раскрывает всей глубины идей Хомякова. Работа Л.Е. Владимирова «Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение» и работа В. Ляскового «Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение» далеки от адекватного понимания идей философа. С тех пор мало что изменилось в интерпретаций философского, богословского и литературного наследия А.С. Хомякова.

Статьи А.С. Хомякова направлены не просто на выработку доказательств истинности «славянофильского» мировоззрения, но и поиск универсальной Истины. Это и обусловило тот факт, что его творчество имеет огромный пласт философских, богословских, социальных, исторических и мировоззренческих идей, весьма оригинальных и часто противоречивых, до сих пор рационально не вписанных в историко-философский контекст и не до конца эксплицированных – без идеологических, философских и мировоззренческих спекуляций.

Опираясь на биографический метод историко-философской реконструкции, рассмотрим его жизнь, которая включает в себя две стороны удивительного «феномена Хомякова» – мирскую и церковную, личную и общественную, основываясь на высказываниях его современников и трудах самого Хомякова.

Алексей Степанович обладал удивительным разнообразием талантов и увлечений. Он входил в блестящую плеяду поэтических имен времен Пушкина и лично был знаком с Александром Сергеевичем.

Он был знаком не понаслышке и с тяготами воинской службы. В восемнадцать лет идет на службу в кирасирский полк. Его командир Д.Е. Остен-Сакен писал: «В физическом, нравственном и духовном воспитании Хомяков был едва ли не единица... Ездил верхом отлично. Прыгал через препятствия в вышину человека. На эскадронах дрался превосходно. Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Он не позволял себе вне службы употреблять одежду из тонкого сукна, даже дома, и отвергнул позволение носить жестяные кирасы вместо железных полупудового веса, несмотря на малый рост и с виду слабое телосложение. Относительно терпения и перенесения физической боли обладал, в высшей степени, спартанскими качествами» [Воспоминания М.А. Хомяковой: 12]. В русско-турецкой войне Хомяков участвовал в качестве гусара и отличается удивительной, хладнокровной храбростью. Получил ранение и был награжден орденом Святой Анны и орденом Святого Владимира.

А.С. Хомяков проявил себя и как изобретатель, и как хозяйственник-предприниматель. На свою паровую машину с «сугубым давлением» он получил патент в Англии – это было время, когда юридическое оформление интеллектуальной собственности только начиналось, и Россия во многом опережала континентальные европейские государства, опираясь на английский опыт. Им изобретена специальная машина для улучшения зимних дорог, ружье, которое по своим характеристикам превосходило другие ружья, стреляя вдвое дальше обычного. Им был предложен принцип и форма современного снаряда с усовершенствованным взрывателем. Из комментариев, сделанных А.С. Хомяковым к своим изобретениям, видно, что это плод зрелого инженерного подхода к решению актуальных задач.

Он славился и в качестве рачительного хозяйственника. Привел в порядок многочисленные имения, доставшиеся ему по наследству. В Тульской, Рязанской и Смоленской губерниях Хомяковым было введено много усовершенствований, в том числе и на его заводах винокурения и сахароварения.

А.С. Хомяков – талантливый лингвист и полиглот. В юности выучил восемь языков и свободно говорил на основных европейских наречиях. В процессе самосовершенствования Хомяков овладевает двадцатью четырьмя языками. Интересуется словообразованием как способом прояснения сложных вопросов по возникновению народностей. Отдельным вопросом до сих пор стоит освещение его вклада в отечественную словесность – поэзию, драматургию, литературную критику.

Художественному изобразительному искусству Алексей Степанович учился в Париже, известен его автопортрет. Сохранилось еще несколько акварельных и карандашных работ, икона, которую приписывают руке Хомякова, выполненная в несколько манерном стиле западной живописи.

А.С. Хомяков обладал необычайно широким кругозором, имел феноменальную память и был непобедимый спорщик. Всех удивляла скорость его чтения, об этом писал Кошелев: «Обширности его сведений особенно помогала, кроме необходимой живости ума, способность читать чрезвычайно быстро и сохранять в памяти навсегда им прочитанное» [Кошелев: 274].

В начале 1836 года Хомяков женится на Екатерине Михайловне Языковой, сестре известного поэта Николая Языков, которая оказала на его духовное развитие решающее воздействие. Именно после женитьбы он создает славянофильский кружок и пишет свои знаменитые философские, литературные и богословские работы.

Впоследствии вокруг А.С. Хомякова образуется компания единомышленников – славянофилов. Само это слово придумали их противники – западники, но Хомяков с ним согласился: «Некоторые журналы называют нас насмешливо славянофилами, именем, составленным на иностранный лад, но которое в русском переводе значило бы: славянолюбцев. Я со своей стороны готов принять это название» [Хомяков: 128]. Истины ради, надо отметить, что славянофилы были, прежде всего, *руссофилами*, сторонниками уникального русского культурно-цивилизационного пути. Статья «О возможности русской художественной школы» фактически явилась манифестом славянофилов. В этой статье А.С. Хомякова говорится о том, что русским должно быть не только наше художественное творчество, но и все мировоззрение, начиная с Церкви и заканчивая бытом: «Мы должны, мы обязаны сказать свое, великорусское, слово в мире – только тогда мы станем великим народом» [Хомяков: 210]. Интересный факт: славянофилы всегда признавали формулу «Православие, самодержавие, народность», но правящая верхушка их все-таки недолюбливала. Когда в 1849 году императрица Александра Федоровна выразила желание увидеть одного из славянофилов, то граф С.Г. Строганов ее предупредил: «Вашему Величеству не следует их видеть, это люди опасные» [Бердяев: 142]. Дело в том, что все три слова формулы они понимали иначе, чем официальные власти. Говоря о православии, они говорили о свободной церкви, способной защищать истину. Защищали самодержавие, но опирающееся на об-

щество, а не на бюрократию. Говорили о народности, но не безгласной, а укоренённой в общине, осуществляющей местное самоуправление и открыто выражающей свое «общинное» мнение, т.е. фактически утверждали необходимость «гражданской народности», не какой-то надуманно-фиктивной и «нутряной», как часто примитивно трактуют позицию славянофилов в этом вопросе до сих пор, а вполне *цивилизованной гражданственности*.

Именно из-за этих расхождений во мнениях с официальной политико-идеологической доктриной печатались они с большим трудом. Цензура либо запрещала их статьи, либо убирала из статей ненужные строки. Попытки организовать работу своих журналов, таких как «Москвитянин», «Русская беседа», не принесли желаемых результатов.

Условно все творчество А.С. Хомякова можно разделить на два периода. В начале он занимается разработкой социальных и культурно-исторических вопросов, а после 1852 года его мысли перемещаются в богословие. И уже в результате своих богословских проработок, он корректирует и свои философско-культурологические воззрения.

В своих записках по мировой истории, условно и иронически названных с лёгкой руки Н.В. Гоголя «Семирамида», А.С. Хомяков (задолго до Ницше, Шпенглера или Ф. Тенниса!) не без влияния романтиков, немецких и русских, вводит в дискурс философского осмысления истории человечества две *культурные парадигмы-опозиции: иранство и кушитство*. Иранство – это свобода, естественность, органичность, творчество; кушитство – это насилие, искусственность, закон, необходимость. Вся история культуры движется посредством взаимодействия этих двух начал. На множестве исторических примеров, взятых независимо от культурных контекстов и периода времени, он показывает борьбу этих начал. Несмотря на все старания сохранить объективность, прослеживаются его симпатии к свободному и органичному иранству, что роднит его с зарождающейся философией жизни, ведущей начало от велико Гёте. А.С. Хомяков придает философскую универсальность этим категориям и указывает, что они присутствуют в любой сфере человеческой деятельности.

Приведем пример: русская крестьянская община очень органична, она естественна и является продуктом самодеятельности самих крестьян, возделывающих природу – отсюда вытекает, что она *свободна*. Община составляет основу общества, а государство играет роль искусственной надстройки над обществом. Следовательно, государство является «мертвой» структурой в отличие от «живой» общины. Однако А.С. Хомяков признает необходимость государства как *совокупности самоуправляемых общин*, которые развиваются в тесном сотрудничестве друг с другом. Он действительно первым из философов и учёных предложил этот принцип противоборства двух культурных архетипов-дихотомий: *органичности и искусственности*.

Самодержавие А.С. Хомяков так же понимает по-своему. Источником власти является народ, и только он может делегировать её представителю самодержавия. Самодержец, будучи в априори православным, ответственен не только перед Богом, но и перед народом. Но такой подход очень сильно критикуют монархисты, которые считают необходимым для монарха быть ответственным только перед Богом. При всем гуманистическом воззрении, А.С. Хомяков признает духовный детерминизм (промысел Божий), но делает акцент на дарованной человеку *свободе воли*. Имея в себе образ Божий, человек сам способен созидать свою историю и влиять на свою судьбу. Он принципиально исповедует принцип активности и ответственности человека, что более соответствует принципам первоначального христианства, нежели последующие схоластические размышления богословов по поводу соотношения промысла Божия и свободы воли человека. А раз народ может творить свою судьбу, значит, он имеет и власть. В этом «двойном подчинении» для самодержца и заключается вся сложность его положения.

Следует отметить, что *национально-религиозный либерализм* А.С. Хомякова становится адекватным проявлением и манифестацией *патриотизма*: «Строго осуждается человек, без крайней нужды бросающий свою родину... влачит он грустную и бесполезную жизнь... Кто оторвался от своего народа, тот создал кругом себя пустыню» [Хомяков: 256]. Но патриотизм для него обязательно соединен с православием, для России возможна только одна задача: сделаться самым христианским из человеческих сообществ. Россию он ставил выше Запада именно по основаниям религиозно-мистическим, а не неким политико-идеологическим, верил во всемирное ее призвание и предрекал России великое будущее в грядущем духовном преобразовании народов. Поэтому и о русской истории А.С. Хомяков рассуждал достаточно критически в отличие от неославянофилов всех разрядов, исторических и современных. В «подражательности» он видел главную болезнь нашей страны, нашей культуры и цивилизации. К петровским реформам он относился крайне негативно, указывая, что Петр не смог направить русское общество на путь преобразования, но только надломил его.

Вспоминается стихотворение, написанное им во время Крымской компании:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Несмотря на свое русофильство, Хомяков любил Запад, его культуры и цивилизационные достижения – ему очень нравилась Англия, он называл ее «страной святых чудес» (он побывал в Англии в 1847 году); нравились её традиции и народные обряды. В своем «Письме к Сербам» Хомяков, суммируя свои впечатления, выдвигает такой афоризм: «Учитесь у западных народов, это необходимо; но не подражайте им, не веруйте в них» [Хомяков: 280]. Он видел в англичанах универсальное свойство активно сохранять свою идентичность. Из всех европейских стран он только Англию причислял к государствам «иранского» типа.

Рассматривая современное ему общество, задачи его преобразования на путях «просвещения», он отмечал: «Перевоспитать общество, оторвать его от вопроса политического и заставить его заняться самим собою, понять свою пустоту, свой эгоизм и свою слабость: вот дело истинного просвещения» [Хомяков: 178]. При этом для него очень важна не форма, а содержание. А.С. Хомяков изучает мнение общества, считая его решающим для судьбы России.

Он затрагивал также и вопросы собственности: «Всякая частная собственность есть только более или менее пользование, только в разных степенях... юридическая антиномия... может разрешаться в будущем только духовным тождеством собственников и владельцев. Если же собственники не решатся на это, то они, становясь в прямой вражде с другим более строго-историческим правом, должны наперед раскланяться со своим правом» [Хомяков: 274]. Из этого следует, что Хомяков был за частную собственность у работников, несмотря на приверженность философа идеям общины. Можно сказать, что он был за «народный капитализм». Этот взгляд, как типично славянофильский, развил известный русский экономист С.Ф. Шарапов.

Говоря о проблематике социализма, столь актуальной в то время, А.С. Хомяков выражал следующую мысль: «Все эти системы, порожденные, по видимому, вещественными болезнями общества и имевшие, по видимому, целью исцеление этих болезней, были действительно рождены внутренней болезнью духа и устремлены к пополнению пустоты, оставленной в нем падением прежней веры или прежнего признака веры. Все они пали или падают вследствие одной и той же причины, именно той субъективности и произвольности, на которой они основаны» [Хомяков: 143]. Хотя о социализме он судит весьма умозрительно, ставя мировоззрение славянофилов выше социалистического: «По сущности мысли своей мы не только выше политики, но даже выше социализма, который есть почти не что иное как вывод, и вывод односторонний, из общего воспитания человеческого духа» [Хомяков: 393]. Следует подчеркнуть, что А.С. Хомяков, являясь человеком докапиталистической формации, совершенно не представлял себе к какой капиталистической аморальности приводит эта самая «инициатива», и в этом вопросе с ним можно не согласиться.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью сказать, что Алексей Степанович был неординарной личностью и в дополнение к этому имел ряд своеобразных черт.

Н.А. Бердяев, говоря о феноменальной универсальности А.С. Хомякова, подчеркивал, что она мешала ему развивать литературное творчество. С этим взглядом Николая Александровича мы не можем полностью согласиться и думаем, что Бердяев прав только на половину, потому что эта универсальность также и помогала А.С. Хомякову. Мировоззрение Хомякова рождалось в деятельности в общении с людьми, а не в кабинетной тишине, и поэтому выражает собою сочетание высших идей с реалистичным прагматизмом, что делает идеи жизненными и в нашем контексте.

К середине пятидесятых годов, во втором периоде своей философско-литературной работы, А.С. Хомяков становится хорошо известен самым широким кругам русской и западной интеллигенции. В своей статье «Славянофильство и его вырождение» Владимир Соловьев писал: «В 1853 г. начинается новый фазис славянофильской деятельности. Вместо бытовой борьбы против нашего домашнего западничества на почве сюртуков и кафтанов выступает теперь на первый план духовная борьба против самого настоящего Запада на почве религиозной» [Флоренский: 278]. В этом же году печатается первая «французская» брошюра А.С. Хомякова «Церковь одна», посвящённая критике западных вероисповеданий, католичества и протестантизма.

«Церковь одна» является одним из лучших его богословских сочинений. Вера в Церковь декларируется им безграничной, не требующей доказательств. Священник Георгий Флоровский говорит об этом так: «Хомяков сознательно не доказывает и не определяет, – он свидетельствует и описывает. Вместо логических определений он стремится начертать образ Церкви. Он старается изобразить ее во всей ее духовной жизненности и самоочевидности» [Флоровский: 214]. В своих богословских рассуж-

дениях А.С. Хомяков отталкивается от православного Символа Веры «Во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». Алексей Степанович пишет: «Церковь, видимая и земная, живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос. Она имеет в себе пребывающего Христа и благодать Духа Святого во всей их жизненной полноте, но не в полноте их проявлений, ибо творит и ведаёт не вполне, а сколько Богу угодно. Церковь же видимая не есть видимое общество христиан, но дух Божий и благодать таинств, живущих в обществе» [Бердяев: 38].

О Святой и Соборной Церкви Хомяков говорит с большей уверенностью и описывает это более подробно: «Церковь и ее члены знают внутренним знанием веры единство и неизменность своего духа, который есть дух Божий... Посему не была и не могла быть Церковь измененною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась бы духа истины. Не могло быть никакого времени, в которое она приняла бы ложь в свои недра, в которое бы миряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаниям и учению, несогласному с учением и духом Христовым... Церковь знает не отчасти – истину и отчасти – ложь, а полную истину без примеси лжи. Живущий же в Церкви не покоряется ложному учению, не принимает таинства от ложного учителя, зная его ложным, не следует ложным обрядам. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитрит и не малодушничает, ибо свята» [Бердяев: 45]. Но уже в письме к Аксакову он говорит следующее, подразумевая «видимую Церковь» и её «схολастическое» мнение: «Так называемое мнение (Церкви) есть весьма часто пустая или неясная формула, допущенная в обиход для устранения мнений, которые под нею притаиваются, нередко разногласия между собою и связываясь с формулами тонкими нитями диалектики, допускающими почти совершенное отрицание. Вот причина, почему я позволяю себе не соглашаться с так называемым мнением Церкви... Убеждения или мнения и формулы обиходные далеко не совпадают друг с другом, и я считаю себя в праве быть смелым в отношении к формуле, вполне преклоняясь перед убеждением. Верую Церкви, в которой нет, и не может быть ошибки или лжи [Хомяков: 320]. Здесь А.С. Хомяков делает различие между «мнением» Церкви и между «убеждением» Церкви. И сам говорит, что отличить эти понятия можно только Духом Святым.

К формальным критериям в виде решений Вселенских соборов он относится очень скептически. Если есть Дух Святой, то это Церковь, во всей своей полноте, а если нет, то от Церкви остается её «кушитская» оболочка и больше ничего. А.С. Хомяков очень ценит свободу в Церкви и, как следствие, старается избежать принуждающего понятия «авторитет». В «французской» брошюре эта мысль сформулирована так: «Нет: Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его» [Владимиров: 19].

Основным свойством Церкви А.С. Хомяков считает соборность в Духе Святом, Который объединяет всех членов Церкви в истине и любви, в единый мистический организм. Соборность, так же, является и основным сотериологическим понятием: «Мы знаем, когда падает кто из нас, он падает один, но никто один не спасается. Спасующийся же спасается в Церкви как ее член, и в единстве со всеми другими ее членами» [Бердяев: 149]. В своих рассуждениях Хомяков говорит о тождественности таких понятий как соборность и непогрешимость Церкви. Соборность выступает критерием истинности Церкви. Можно сказать так, что соборность является индикатором здоровья церковного тела.

Следует также заметить, что, читая богословские труды А.С. Хомякова, мы видим в некоторой степени идеализированную картину «видимой» Церкви. Говоря об «иранской» стороне Церкви, он игнорирует «кушитскую» оппозицию, а она ведь порой более очевидна. Железная дисциплина, полная зависимость иерея от епископа, жесткая иерархия, приказ, называемый «благословением», являются неотъемлемой частью Церковной жизни. И А.С. Хомяков будто не замечает всего этого... Хотя в своей историософии он четко указывает на постоянную борьбу иранства с кушитством, которая и является двигателем истории. Видимо, Алексей Степанович был убежден, что ограниченно человеческая сторона в Церкви всегда пребывает под властью Божественно Абсолютной. В итоге, говоря о благодатном организме, он описывает только половину Церкви, не затрагивая её «иранской» стороны.

Возвращаясь к характеристике «французских» брошюр, рассмотрим, что об этом говорит Самарин: «С виду они имеют характер по преимуществу полемический; на самом же деле полемика занимает в них второстепенное место, или, говоря точнее, полемики в строгом смысле слова, то есть опровержений чисто отрицательного свойства, в них почти вовсе нет. Нельзя никак взять из его сочинений одну отрицательную сторону (возражения и опровержения), не забыв стороны положительной (то есть уяснения православного учения); нельзя потому, что у него одна сторона от другой не отделяется: обе составляют одно неразрывное целое. Не найдется у него ни одного довода против латинян, заимствованного у протестантов, и ни одного довода против протестантов, взятого из латинского арсенала; не найдется ни одного, который бы не был обоюдоострым, то есть не был бы направлен как против латинства, так и против протестантства; и это оттого, что каждый его довод, в сущности, не есть отрицание, а прямое положение, только заостренное для полемической цели» [Самарин:

98]. Основное, в чем Хомяков обвиняет протестантов и католичество, это в утрате «живого единства Церкви» и погружение их в глубокий рационализм.

Прибегая к своей диалектике, он обличает западное христианство, но уж слишком в высокомерно-уничжительной форме. И такой вид обличения удовлетворяет далеко не всех. Владимир Соловьев говорил следующее: «Вся сила этой полемики состоит в следующем весьма простом приеме. Берется западная религиозная жизнь в ее конкретных исторических явлениях, односторонность и недостатки в этих явлениях обобщаются, возводятся в принцип, а затем всему этому противопоставляется «православие», но не в его конкретных исторических формах, а в том идеальном представлении о нем, которое создали славянофилы. Это идеальное представление резюмируется в формуле «церковь как синтез единства и свободы в любви», – и эту отвлеченную формулу славянофилы выставляют в обличение действительного католичества и действительного протестантства, старательно умалчивая или затейливо обходя те явления в религиозной истории Востока, которые прямо противоречат такой формуле» [Соловьев: 241]. Для Хомякова православная Церковь – это «иранская» церковь. Соборное единство в Святом Духе: «Она требует единства полного, и только полное равенство она может дать взамен, ибо знает братство, но не знает подданства» [Хомяков: 25].

Для священника Павла Флоренского суть Церкви заключается не столько в «братстве», сколько в «подданстве», и главную роль играют «чудо, тайна и авторитет». П. Флоренский говорит: «Хомяковская мысль уклончиво бежит от онтологической определенности, переливаясь перламутровой игрой. Но эта игра поверхностных тонов, блестящих, но не субстанциональных, и потому меняющихся и изменяющих свои очертания при малейшем повороте головы, не дает устойчивого содержания мысли и оставляет в сердце тревогу и вопрос» [Флоренский: 251]. Следует отметить, что, понимая зыбкость аргументации А.С. Хомякова, П. Флоренскому не удается опровергнуть его доводы: «Редкая по силе диалектика, – всем известная «хомяковская» диалектика, – придавала положением Хомякова такую гибкость и такую убедительность, при которых самое сомнительное и самое опасное кажется притупившим острые углы» [Флоренский: 253]. Отношения со священноначалием у А.С. Хомякова складывались не самым лучшим образом. Свой основной труд «Церковь одна» он пересылает святителю Филарету с попыткой добиться у него аудиенции, но митрополит посчитал эти богословские сочинения «неудобными и сомнительными» и препятствовал его изданию.

Со своей стороны А.С. Хомяков тоже не очень хорошо относился к современному ему богословию. Он дал не лестный отзыв учебнику митрополита Макария (Булгакова) «Догматическое богословие», указав на его недостатки: «Макарий провонял схоластикой... Я бы мог его назвать восхитительно-глупым, если бы он писал не о таком великом и важном предмете... Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия, хотя бы даже в современном его состоянии» [Хомяков: 189]. Но, не смотря на это, Алексей Степанович продолжал общаться с духовенством. Он был знаком с епископом Тульским Димитрием, переписывался со священником Евгением Поповым, служившим в посольской церкви в Лондоне, и продолжал вести церковный образ жизни, периодически исповедуясь у своего духовника протоиерея Павла Беневоленского, который в свое время преподавал логику в Московской духовной академии.

Итак, в творчестве Алексея Степановича Хомякова, не смотря на его постоянство взглядов, можно заметить определенную периодизацию. В молодости, как основу общества, он выделял любовь; затем, на первое место вышла идея органичности; позже разрабатывается идея соборности. По сути А.С. Хомяков становится рафинированным православным патриотом, ратуящим за то, чтобы христианство стало «высшим общественным началом». Он одним из первых высказывается о том, что русская культура, духовность, традиции являют собой величайшую ценность, прекрасную жемчужину, которую мы должны возвышать и беречь. В православии, А.С. Хомяков был первым светским религиозным мыслителем. Он открыл путь свободной религиозной философии, освобожденной от школьно-академической схоластики. Он показал на своем примере, что дар учительства, в своей соборности, принадлежит каждому члену Церкви, а не только духовной иерархии.

Следует отметить и тот факт, что творчество А.С. Хомякова для русской мысли и культуры имело освобождающее значение, а славянофильство для России стало совершенно необходимым этапом на пути духовного развития и обретения культурно-цивилизационной идентичности, впервые прервав господство западного мировоззрения и философии среди русской интеллигенции и положив основания самобытной русской философской и богословской мысли.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. – М., 1912.
Berdyayev N.A. Aleksey Stepanovich Khomyakov. – М., 1912.

2. Владимиров Л.Е. Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение / Л.Е. Владимиров. – М., 1904.
Vladimirov L.Ye. Aleksey Stepanovich Khomyakov i yego etiko-sotsial'noye ucheniye / L.Ye. Vladimirov. – М., 1904.
3. Воспоминания М.А. Хомяковой // Хомяковский сборник. Т.1. Томск, 1998.
Vospominaniya M.A. Khomyakovoy // Khomyakovskiy sbornik. T.1. Tomsk, 1998.
4. Герцен А.И. Былое и думы / А.И. Герцен. – СПб.: Наука, 1996.
Gertsen A.I. Vyloye i dumy / A.I. Gertsen. – SPb.: Nauka, 1996.
5. Кошелев А.В. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Koshelev A.V. Aleksey Stepanovich Khomyakov. Zhizneopisaniye v dokumentakh, rassuzhdeniyakh i razyskaniyakh. – М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000.
6. Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков, его жизнь и учение / В. Лясковский. – М., 1907.
Lyaskovskiy V. Aleksey Stepanovich Khomyakov, yego zhizn' i ucheniye / V. Lyaskovskiy. – М., 1907.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т.5. – М., 1958.
Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. T.5. – М., 1958.
8. Самарин Ю.Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А.С. Хомякова. – М., 1907.
Samarin YU.F. Predisloviye k pervomu izdaniyu bogoslovskikh sochineniy A.S. Khomyakova. – М., 1907.
9. Соловьев В. Ответ Н.Я. Данилевскому. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
Solov'yev V. Otvet N.YA. Danilevskomu. – М.: AST: Astrel', 2011.
10. Флоренский П.А. Около Хомякова // Флоренский П.А., священник. Сочинения. В 4 томах. Т.2. М., 1996. С. 278-336.
Florenskiy P.A. Okolo Khomyakova // Florenskiy P.A., svyashchennik. Sochineniya. V 4 tomakh. T.2. М., 1996. S. 278-336.
11. Хомяков А.С. О возможности русской художественной школы. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.
Khomyakov A.S. O vozmozhnosti russkoy khudozhestvennoy shkoly. – М.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2000.
12. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. – М., 1900-1914.
Khomyakov A.S. Poln. sobr. soch. – М., 1900-1914.
13. Хомяков А.С. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. Работы по богословию. М., 1994.
Khomyakov A.S. Sochineniya v 2-kh tt. T. 2. Raboty po bogosloviyu. М., 1994.